

**КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКАЯ ПОЭЗИЯ:
ГЕНЕЗИС ИНДИВИДУАЛЬНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ**

Статья посвящена малоизученной теме — карачаево-балкарской индивидуальной авторской поэзии второй половины XIX — начала XX в. Впервые процесс ее зарождения и формирования исследуется в диахронном срезе как целостный художественный феномен. На обширном поэтическом материале показано эволюционное движение авторского художественного сознания, историческая преемственность литературного развития.

B. Tetuev

**KARACHAY-BALKAR POETRY:
GENESIS OF INDIVIDUAL ART CONSCIOUSNESS**

The article is devoted to an insufficiently investigated problem — Karachay-Balkar individual authorial poetry of the second half of the 19th century and the beginning of the 20th century. For the first time the process of its origin and forming is analysed in a diachronic way as an integral esthetical phenomenon. Evolutional behaviour of the author's art conscience, historical succession of literary development is shown on the basis of the broad poetical material.

Процесс зарождения индивидуального художественного сознания в карачаево-балкарской поэзии во многом повторяет аналогичный процесс в западноевропейской литературе. Однако следует особо отметить: художественный космос Кайсына

Кулиева, завершающего развитие карачаево-балкарской поэзии в XX в., его достигшее зрелости индивидуальное поэтическое сознание непредставимо без его вписанности в двойной контекст: *этнопоэтики* с ее ментальными и художественными кон-

стантами и западноевропейского *культурного универсума*.

Исследование карачаево-балкарской авторской поэзии XIX – начала XX века в ее диахронном срезе как целостного художественного феномена позволяет увидеть историко-культурный контекст национальной поэзии, его развитие от «жанровых образов авторов» к «возрастанию индивидуального авторского начала» (Д. С. Лихачев). Литературоведческий анализ показывает, что важными составляющими ее сложного и противоречивого развития, как и во всякой национальной культуре, являются традиции устного народного творчества, историческая судьба народа. Одним из факторов, существенно повлиявших на духовную жизнь карачаево-балкарского народа, было принятие мусульманства. Распространение ислама дает импульс возникновению и развитию различных жанров духовно-религиозной литературы: *зикара* (поминания), *йиман-ислама* (свода правил веры ислама), *мунажата* (наставлений), *агиографии* (повествований о пророках). Это весьма значительный пласт карачаево-балкарской словесности на родном языке, записанной с использованием арабской графики (аджам).

В религиозно-дидактической поэзии XIX – начала XX в. кораническая этика преломляется через призму насущных потребностей народа в соответствии с этнокультурным сознанием карачаево-балкарцев, в духе «тюркского народного мусульманства» (А. Сигбатуллина). В то же время анализ авторских религиозно-дидактических текстов позволяет утверждать, что они содержат не только традиционную инвариантную семантику, но выходят за пределы религиозной тематики. Авторские *зикары* Д. Шаваева и К. Мечиева со временем изменяются, их первооснова в значительной мере обогащается назиданиями, медитативными размышлениями, исповедью, усиливающими степень лирического самовыражения поэта, иллюстрирующими все более явственно проступающие элементы

авторского сознания и формирования его индивидуальной поэтики. На наш взгляд, это свидетельство ассимиляции жанра авторским мировоззрением. Указанная тенденция позволяет мотивированно утверждать об эволюции жанровой традиции *зикара*, развитии в нем признаков религиозно-дидактического жанра *мунажат*, а также трансформации их в стихи медитативного содержания.

В жанре «*мунажат*» просветительские установки религиозно-дидактических жанров постепенно трансформируются, приобретая художественную образность, литературную форму. На первый план выходит не только разъяснение тех или иных постулатов ислама, а назидание, убеждение, обращенное к человеческой душе. *Мунажат* переводит исламские постулаты из сферы религии в сферу литературы, максимально адаптируя универсальные теологические принципы к когнитивному сознанию и практической деятельности карачаево-балкарцев.

Анализ *мунажатов* Д. Шаваева, К. Мечиева, Л. Ахметова и других позволяет утверждать, что их основные нравственно-этические мотивы базируются на коранических преданиях, вместе с тем вбирают в себя метафизические представления карачаево-балкарского этноса. Подобный синтез доказывает верность идеи И. Крачковского о естественности вхождения в быт и культуру, шире – в метафизику народного бытия – арабского культурного Текста¹. Ключевые мотивы *мунажата* – «нельзя обманываться (мнимым) могуществом мира», «бессмертия нет, оставайтесь с верой», превращаясь в устойчивые теологемы, утверждают должную религиозно-ментальную формулу бытия, выполняют дидактическую функцию «воспитания человека». Вышеизложенное позволяет зафиксировать наличие существенных изменений в сознании карачаево-балкарцев, приобретающих художественное выражение. На смену нартскому эпосу с его «каталогом» героизма приходит религиозно-ди-

дактическая поэзия, претендующая на роль «учителя жизни». Она выполняет пастырские функции, что закладывает основы генетического кода карачаево-балкарской поэзии нового времени.

Этапной вехой в развитии карачаево-балкарской религиозно-дидактической поэзии XIX в. стала поэма Д. Шаваева «Грустные думы-размышления Дауут-Хаджи». Показательно заглавие поэмы, в котором отражена уже проявившаяся в жанре мунажат тенденция перехода от канонических религиозно-дидактических жанров к субъективно-лирическому, авторскому самовыражению, где религиозная проблематика сменяется секуляризованной, светской. Существенным в поэме становится усиление авторского индивидуального начала, проявляющегося в повествовании о своей жизни, вписанной в исторический контекст родной земли. Осмысление широкого круга проблем с позиции авторского «Я» свидетельствует о зарождении индивидуального мировидения, формирования национального художественного сознания, заключающегося в переходе от дидактики, назидания к постижению мира сквозь призму собственного восприятия.

Важное место в системе жанров национальной поэзии XIX в. занимает любовная лирика. В ней отчетливо выделяются два направления, которые можно назвать «ориентальным» (восточным) и «нативистским» (родным). Нативистские произведения имеют этнонациональную основу, ориентируются на традиции родного фольклора (К. Семенов, К. Кочхаров, З. Джаныбеков). основополагающей чертой авторской любовной лирики этого направления является ярко выраженный автобиографизм, неразделенность субъекта и объекта повествования на автора и лирического героя. Вместе с тем наличие фиксированного авторства можно расценивать как важный атрибутивный признак, свидетельствующий о зарождении качественно иного уровня поэзии, отделившейся от фольклора. Именно этот фактор, обусловивший

состояние «пороговости» статуса повествователя, приводит к почти полному отсутствию барьера между жизненной реальностью и художественной. Структурообразующая роль в нативистских произведениях преимущественно принадлежит эмпирическим фактам биографии поэта, эстетически переосмысленным в соответствии с традициями народной лирики. В то же время усиление личностного начала в художественном сознании поэта позволяет увидеть появление лирической субъективности, важнейшего условия для формирования авторской индивидуальности, ее творческой неповторимости, «узнаваемости». Сказанное свидетельствует об эволюционном переходе литературного явления «жырчы» (певец) к типологически иной категории «назмучу» (поэт).

Формирование авторского художественного сознания отчетливо просматривается и в набеговых песнях, «поджанре» исторической песни. Анализ художественно-образной системы «Песен» Д. Шаваева, К. Кочхарова, К. Мечиева, посвященных данной тематике, позволяет сделать заключение о том, что поэты создают произведения, опираясь на традиции фольклорных песен о набегах, но в них преобладающим становится субъективное, авторское осмысление событий. Благодаря художественному вымыслу рассказ повествователя о событиях, характерный для фольклорной песни, трансформируется в авторскую этическую оценку поступков героя, что обогащает «Песню» новыми мотивами, способствует раскрытию внутреннего мира героев. Ярко выражен в авторских «Песнях» исторический момент концептуального переосмысления «философии» набега; характерная для фольклорных песен «романтика» набега, поэтизирующая героизм и удаль, постепенно угасает. Созданная воображением автора картина мирной жизни дегероизирует идею набега, становясь ее оппозицией. Изменившееся самосознание народа наиболее яркое выражение получает в поэме «Желтая Коша-

ра», где именно авторский голос выступает инстанцией, осуждающей идеологию агрессии.

Одним из определяющих факторов зарождения индивидуального авторского художественного сознания является автономизация личности с ее собственной системой оценок и ценностей, формирующегося личностного мировидения, которое возникает как некий противовес традиционным устоям и взглядам социума. Исторически изменяющиеся обстоятельства жизни карачаево-балкарского народа способствовали соответствующей эволюции авторского осмысления действительности, приобретающей ярко выраженный социальный контекст. Первоначально изображение социальной действительности в авторской поэзии (К. Кочхаров, З. Джаныбеков) носит описательно-эмпирический характер: герои называются подлинными именами, наделяются реальными чертами, фактами биографии. Отсутствие вымышленных сюжетов и героев, художественного обобщения свидетельствует о том, что поэзия является образцом индивидуальной авторской поэзии, стоящей на грани между фольклором и письменной литературой.

Новые тенденции – выраженность авторского «Я» – в развитии индивидуального художественного сознания как в содержательном плане, так и в плане поэтики развиваются в поэзии К. Мечиева. В его произведениях реальный «индивидуально-именной» мир героев и мест, обозначенный с топографической точностью, превращается в художественное пространство обобщающего характера. Показательным в этом плане является стихотворение «Сегодня князь Суююнчев бедного Ахмата бедняка...»: «Сегодня Суююнчев (князь) бедного Ахмата, // Посохом ударив, голову рассек. // И в сердце мое этот посох, // Вовек незаживающую рану нанес»². Если в начальных строках стихотворения поэт называет реальные имена и обращается к конкретике эмпирического мира, то во второй части строфы он выражает личное чувство

сострадания, сопереживание чужой боли от первого лица. Субъективное, личностное отношение автора к герою приобретает общезначимую ценность и эстетическую завершенность. Появляется *вымышленный герой с вымышленным именем*. Бедняк Ахмат и князь Суююнчев, возможно, и существовали в реальной жизни, но для поэта важна не правда быта, а правда Бытия.

Значимой вехой в эволюции авторского художественного сознания явилась поэма К. Мечиева «Раненый тур», знаменующая завершение процесса формирования национальной карачаево-балкарской поэзии XIX в. Проявляется это многообразно. Прежде всего, на уровне хронотопа: действие поэмы происходит в реальной действительности современной поэту Балкарии. Национально окрашен конфликт поэмы: социальный антагонизм выражает особенности родовых патриархальных взаимоотношений в балкарском обществе и связан понятиями с горской чести. Наконец, в поэме «Раненый тур» сформировалась целая система этнопоэтических символов (ранености, раненого камня, сочувствия всему существу и т. д.), которые стали выражением основы национального образа мира, нашли свое многообразное развитие в карачаево-балкарской поэзии XX в.

Метафорическое название поэмы по праву можно считать художественной находкой поэта, выразившей национально-ментальную основу социального конфликта. Свободный, гордый тур, живущий в горах, преследуется своими основными врагами – волком и человеком. Тур, раненный охотником, сумел уйти от человека, но теперь за ним гонится волк. Второй охотник, а это главный герой поэмы Хашим, отправившийся в горы за дичью, спасая раненого тура от неминуемой гибели, убивает хищника.

Поэт нарушает устойчивую бинарную оппозицию «человек – зверь», основанную на противопоставлении человеческого (гуманного) и звериного (хищнического) начала. Отношения между ними определяют

ся не «родовой» принадлежностью, а нравственной сущностью: человек противопоставит человеку, зверь — зверю. Противостояние символических образов поэмы — раненого тура и волка получает продолжение в событиях, развивающихся строго симметрично в мире людей. Судьбы раненого тура и человека, охотника Хашима, оказываются связанными, «отражаются» друг в друге. Тема социального антагонизма передается в поэме К. Мечиева посредством использования метафоры по контрасту. Поэт выстраивает парадигму насилия, жестокости, ранящей, убивающей все живое, человеческое через образный ряд: волк, князь Жамболат, княжеское сословие. Волк в тюркской мифологии тотемное животное, но поэт использует в данном контексте негативную символику животного, согласно которой он является олицетворением «свирепости, коварства, жадности, жестокости, зла»³. Перед нами явный пример поэтического переосмысления константных мифологических смыслов, что позволяет говорить о проявлении авторской свободы, «произвола», об интерпретационных возможностях индивидуального художественного сознания.

Повествование о трагедии раненого тура (Хашима, народа) служит для поэта основой размышлений о социальном насилии в мире и господстве в нем социальной несправедливости. Будучи глубоко озабочен трагической судьбой родного народа, выступая как его защитник, К. Мечиев апеллирует к слову — единственному средству, которое, смеет он надеяться, может быть поддержкой для «страдающих сердец» и заставит призадуматься «жестоких тиранов». Раскрывая свое кредо, поэт усиливает, расширяет социальный смысл конфликта поэмы. Трагедия «раненого тура», которую поэт пережил как свою («И моя судьба схожа с твоей»), трансформируется в трагедию авторской личности, обусловленную конфликтом между его гуманистическими представлениями и современной социальной действительностью.

Одним из важнейших моментов становления авторской поэзии, как известно, считается формирование художественного самосознания, являющегося показателем ее зрелости. Тенденция обращенности поэзии к самоосмыслению отчетливо проявляется в произведениях К. Мечиева начала XX в. В поэме «Бузжигит», созданной на основе древнетюркской архифабулы, поэт открыто манифестирует поэтическую субъективность как эстетическую ценность. Скромно заявляя, что до него «пели о Бузжигите намного лучше», автор метафорическим языком выражает авторское право творца: «У каждой горы — *своя* вода, // *Своя* песня, *свой* соловей, // Чтобы и в горах бытовал, // Я поведал *свой* рассказ»⁴. Поэт, «обращаясь к реалиям этносреды», обосновывает эстетическую значимость *авторского самовыражения*.

В поэзии К. Мечиева прослеживается идея самоценности сознательной работы со словом, идея, которая станет его «именной» авторской эмблемой, и основой ярко выраженной неповторимости, уникальности поэта. «Слово Кязима» — так автор обозначил свой индивидуальный способ самовыражения. Новое, личностно ответственное отношение к поэтическому слову раскрывается им в понимании гражданского долга и поиска адекватной творческой формы его выражения. В статье С. С. Аверинцева «Категории поэтики в смене литературных эпох» четко обозначена граница между фольклорным и индивидуальным авторством: «...от индивидуального умения до индивидуального авторства — огромная дистанция. Дело не в том, что мы не знаем имен одаренных людей, творивших фольклорные памятники; дело в том, что культивирование индивидуальной манеры как особой ценности, осознаваемой в качестве таковой, противоречит самому существу фольклора»⁵. К. Мечиев — поэт, ясно осознающий свое право творца литературного произведения. Авторское «Я» номинируется, используется как средство самовыражения, утверждения

поэтического кредо: «Я — сын Бекки, Кязим...»; «Кязим хаджи лживых стихов не создает».

Особенно ярко общественный смысл поэзии К. Мечиева проявляется в стихах, где автор пытается осмыслить сущность извечной параллели «поэт и поэзия». Несомненно, это стремление к саморефлексии является свидетельством зрелости карачаево-балкарской авторской поэзии XIX в. Характерно, что в личном тезаурусе художника отсутствует абстрактное, обобщающее понятие «поэзия», вместо него используется емкий конкретный термин «сёз» (слово). Осознанно выделяется поэтом мысль о предназначении поэтического слова, Слова Кязима. Его суть автору видится в служении правде, справедливости. Развернутой метафорой утверждается бессмертие хорошего слова, которое «ножом не разрежешь», «буря не унесет», «в огне не сгорит», «не имеет цены».

Система ценностей, связанных со значимостью Слова в представлении К. Мечиева, органично вписывается в общеевропейский и общевосточный литературный контекст. Не важно, был или не был знаком К. Мечиев с конкретными примерами метапоэзии. Существенно другое: его художественное сознание поднимается до того уровня осмысления поэтического слова, на котором его самоценность идентифицируется с деянием Поэта и Человека.

Основополагающим принципом художественного кодекса К. Мечиева становится акцентирование этического и общественного содержания поэзии. Ее истоки в востребованности проповеднического слова хаджи, признанного народом мудреца и наставника. В то же время подобное понимание поэтом соотношения «морального и эстетического» опирается на традиции восточной поэзии. А. Бертельс отмечает, что поэзия эпохи Низами (X–XIII вв.) — «...одновременно и этика, что отразилось и в определяющем ее слове («адаб» — этика и «адабиёт» — литература). Рудаки, Фирдоуси, Низами... — все они, прежде

всего великие учителя очень гибкой и тонкой морали, великие воспитатели»⁶. Характерно, что упоминаемые ученым термины в таком же значении используются и в карачаево-балкарском языке, опираясь на соответствующий этимологический контекст. Семантическая близость понятий («адет» — «адабият») является определяющим и для К. Мечиева: критерием истинности поэзии автор считает ее полезность человеку, народу. Польза при этом понимается широко, начиная от конкретной, физически осязаемой, до духовной, метафизической. Так, одинаково необходимыми представляются поэту овеществленное изделие кузнеца Кязима и его поэтическое произведение: «Стихи пишу, железо кую, // И то, и другое, говорю, пригодится народу»⁷.

Эволюция авторского художественного сознания К. Мечиева отчетливо проявляется и в его видении обыденных, неприметных явлений окружающей действительности. Традиционный для этнонационального сознания карачаево-балкарцев критерий полезности обогащается открытием красоты мира, его эстетической ценности («Воробью, залетевшему в снежный день на наш двор», «Ослику с израненной спиной», «Стихи, сказанные одинокой ивушке на берегу реки» и др.).

Особенно заметно тенденция к развитию «эстетической установки в противовес моральной» (П. А. Гринцер) проявляется в орнитогенной тематике поэта. Выраженный характер эстетического осмысления действительности отмечен в природе авторских сравнений, обращенных к образу птицы. Воробей, залетевший во двор сакли, вызывает естественный интерес поэта, сочувствие и в то же время зависть: птица вольна, свободна от социальных условностей, и в этом ее жизнь предпочтительнее человеческой. Реальность социальных отношений раскрывается в ином свете: посредством художественной условности создается новая, эстетическая оценка действительности.

Переживание за судьбу обездоленной «птички», одинокой «ивушки», израненного «ослика» служит основанием для широких обобщений о жизни маленького человека, пытающегося выстоять в этом мире. Философия бытия поэта заключается в осознании противоречивости, амбивалентности жизни-смерти, страдании — стойкости, малости — великости. Таким образом, поэт, обращаясь к различным бытовым и природным явлениям, субъективно переживая их, расширяет поле эстетического отношения к миру. Сочетание в художественном сознании К. Мечиева этического воззрения на мир с авторской субъективностью становится основой формирования в карачаево-балкарской поэзии «эстетической реальности, отличной от реальности познавательной и этической» (М. Бахтин).

Подводя итоги нашего исследования, можно сделать вывод о том, что индивидуальное авторское сознание в карачаево-балкарской поэзии зарождается в переломную для карачаево-балкарского этноса эпоху — вхождения в большой мир через культуру Корана. Обращаясь к религиозно-дидактическим жанрам, поэты «нарушают»

религиозно-поэтические каноны, обогащая свои произведения размышлениями, в которых явственно обнаруживается тенденция к субъективно-лирическому, авторскому самовыражению. Личностное начало постепенно преобладает и в любовной лирике, и в набеговых песнях, порождая особый авторский жанр «песни-размышления» с его акцентированием индивидуального восприятия мира. Следующим шагом становится поиск художественного эквивалента этому содержанию, что находит отражение в сложившейся поэтике К. Мечиева с его — Кязима — Словом о мире. В поэзии К. Мечиева, завершающего процесс формирования карачаево-балкарской поэзии XIX в., ярко проявилось индивидуальное авторское самосознание через систему онтологических топосов и своеобразный поэтический кодекс, ставший основой для дальнейшего развития карачаево-балкарской словесности. Указанные тенденции поэзии XIX в. подготовили новый этап развития карачаево-балкарской литературы в следующем, XX столетии, породившем феномен кулиевской поэзии с ее ярко выраженным, неповторимым индивидуальным авторством.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Крачковский И. Ю. Арабская литература на Северном Кавказе // Избр. соч.: В 6 т. — М.; Л., 1960. — Т. 6. — С. 622.

² Мечиев К. Б. Собр. соч.: В 2-х т. — Нальчик, 1989. — Т. II. — С. 35.

³ Энциклопедия символов / Сост. В. М. Рошаль. — М., 2006. — С. 853.

⁴ Мечиев К. Б. Указ. соч. — Т. II. — С. 106.

⁵ Аверинцев С. С., Андреев М. Л., Гаспаров М. Л. и др. Категории поэтики в смене литературных эпох // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. — М., 1994. — С. 10.

⁶ Бертельс А. Низами // Низами. Пять поэм. — М., 1968. — С. 13.

⁷ Мечиев К. Б. Указ. соч. — Т. I. — С. 305.